

„Варшавскій Дневникъ“ при князѣ Н. Н. Голицынѣ.

(Воспоминанія 1880—1883 г.г.).

I.

Вскорѣ послѣ благополучно завершившагося въ 1880 году проѣзда черезъ Вильну въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича, послѣ блестящихъ приемовъ, смотра войскамъ Виленскаго военнаго округа и придворныхъ торжествъ, виленскій, ковенскій и гродненскій генераль-губернаторъ П. П. Альбединскій былъ перемѣщенъ на постъ варшавскаго генераль-губернатора, освободившійся послѣ графа Коцебу. Генераль-адъютантъ Альбединскій, занимавшій до перехода въ Вильну должность прибалтійскаго генераль-губернатора, былъ, какъ извѣстно, баловнемъ судьбы. Его обворожительная наружность, изящныя манеры гвардейца, блестящее воспитаніе, царственная походка и чрезвычайно деликатное, нѣжное сложеніе аристократическаго лица сразу располагали къ нему симпатіи окружающихъ, особенно дамъ, коихъ онъ былъ угодникомъ. П. П. перешелъ на выдающійся постъ варшавскаго генераль-губернатора, благодаря именно этимъ своимъ личнымъ качествамъ, коими природа щедро его надѣлила.

Вмѣстѣ съ генераль-адъютантомъ Альбединскимъ перешелъ на службу въ Варшаву и управляющій его канцелярією Рубцовъ, высокій, худой съ бритымъ лицомъ, типичный представитель стараго, нынѣ уже отжившаго канцелярскаго строя, чиновникъ опытный и трудолюбивый, пользовавшійся полнымъ и

неограниченнымъ довѣріемъ своего принципала. Въ канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора началась обычная въ такихъ случаяхъ чистка личного состава, начиная съ начальниковъ отдѣленій и кончая канцелярскими чиновниками IX класса, такъ что въ теченіе года съ небольшимъ чуть ли не половина чиновъ канцеляріи генералъ-губернатора перешла на службу изъ Вильны въ Варшаву, гдѣ кстатѣ и штатные оклады были выше. Въ числѣ ихъ былъ также И. Г. Подгородниковъ, назначенный начальникомъ I отдѣленія канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора,—впослѣдствіи помощникъ послѣдняго по гражданской части, дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ, скончавшійся недавно, въ 1910 году.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что новая метла коснулась и редакціи „Варшавскаго Дневника“, во главѣ коего находился извѣстный переводчикъ съ польскаго языка на русскій „Папа Тадеушла“ Адама Мицкевича писатель Бергъ, при которомъ, однако, кстатѣ сказать, единственный русскій officialный органъ при управленіи варшавскаго генералъ-губернатора влчилъ жалкое существованіе, занимаясь преимущественно оглашеніемъ Высочайшихъ указовъ и правительственныхъ распоряженій на двухъ языкахъ—русскомъ и польскомъ и совершенно игнорируя явленія русской и польской жизни въ обширномъ краѣ съ почти 8-ми-милліоннымъ населеніемъ, среди котораго уже въ то время начали проявляться первые робкіе и нерѣшительные проблески такъ называемаго угодоваго движенія. Генералъ-адъютантъ Альбединскій, сознававшій всю важность установленія хотя какого-нибудь *modus vivendi* съ поляками и свою отвѣтственность передъ придворными сферами въ Петербургѣ, находившимися подъ вліяніемъ польскихъ магнатовъ, естественно не могъ мириться съ мертвящею атмосферою русскаго печатнаго органа на западной окраинѣ и остановилъ свой выборъ на князѣ Н. Н. Голицынѣ, бывшемъ подольскомъ вице-губернаторѣ, прославившемся въ публицистикѣ своимъ бойкимъ перомъ, авторѣ однотомнаго, вышедшаго въ 70-хъ годахъ сочиненія: „Употребляютъ ли евреи христіанскую кровь?“, въ которомъ тотъ, не рѣшая окончательно этого запутаннаго вопроса, все же обнаружилъ недюжинныя познанія въ талмудѣ, древне-еврейской рѣчи и памятникахъ исторической старины, коими испещрено все названное сочиненіе въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній. Генералъ-адъютантъ Альбединскій, проводившій большую часть своей службы среди знатной польской шляхты, сразу сталъ сторонникомъ и покровителемъ угодоваго

движенія и своимъ орудіемъ избралъ князя Н. Н. Голицына, по убѣжденію рьянаго монархиста, блестящаго публициста, западника, склонявшагося, какъ и онъ, на сторону превосходства польской культуры надъ русской. Какъ это ни странно, но новый редакторъ не былъ поклонникомъ школы славянофиловъ, хотя считалъ поляковъ братьями славянами, а о славянофильскомъ движеніи въ Россіи и за предѣлами ея, въ южно-славянскихъ земляхъ, отзывался не иначе, какъ съ ироническою улыбкою сожалѣнія на устахъ и съ отъѣвкомъ пренебреженія.

II.

Первые шаги князя Голицына на публицистическомъ поприщѣ въ Варшавѣ ознаменовались крайностями, слѣдовавшими одна за другою. Своимъ бойкимъ перомъ князь прежде всего началъ громить своихъ политическихъ противниковъ, громилъ существующій порядокъ вещей, не вдаваясь ни въ оцѣнку, ни въ анализъ текущихъ событій и не указывая, какъ помочь общественному горю. Его передовыя статьи и отдѣльныя брошюры, озаглавленные шумными названіями въ родѣ: „Горѣ имѣемъ сердца!“ „Sursum corda!“ „Якорь брошенъ!“ „Alea jacta est!“ къ удивленію производили среди многочисленной русской колоніи въ Варшавѣ какъ разъ обратное впечатлѣніе. Князь убѣждалъ не умомъ, а игралъ на стрункѣ страстей, игралъ на человѣческихъ нервахъ... „Варшавскій Дневникъ“ пестрѣлъ передовыми статьями, составленными княземъ и напечатанными крупнымъ шрифтомъ съ кричащими заглавіями и тезисами. Польская печать и польское общество, какъ и до него, оставалось чуждо и глухо къ новому призыву. Польскіе газетчики и репортеры рылись въ хроникѣ „Дневника“ и, не найдя въ ней подходящаго для себя матеріала, не интересовались передовыми статьями и даже ихъ не читали. Это былъ искусственно пущенный и внезапно таявшій въ воздухѣ фейерверкъ, не причинявшій никому вреда, но и не сдѣлавшій никакого добра. Въ сущности при князѣ Голицынѣ „Варшавскій Дневникъ“, въ смыслѣ мѣстнаго русскаго періодическаго органа печати, не оживился, оставаясь такою же неинтересною и никому не нужною макулатурою, каковою онъ былъ и при писателѣ Бергѣ.

Число подписчиковъ „Дневника“ колебалось отъ 1.200 до 1.500 въ годъ и, если бы не правительственная субсидія, отпу-

скаемая изъ экстраординарныхъ суммъ канцеляріи генералъ-губернатора въ суммѣ 5.000 руб. въ годъ, да обязательное печатаніе казенныхъ объявленій, дававшее редакціи около 40.000 р. годового дохода, то газета своими собственными силами существовать бы не могла, и ее пришлось бы закрыть. Необходимо имѣть въ виду, что въ приведенномъ выше общемъ числѣ подписчиковъ были обязательные, такъ, наприм., уѣздныя управленія, гминныя управленія, магистраты, гминные суды и другія правительственныя установленія. Частныхъ объявленій въ газетѣ было очень мало, на сумму не свыше 1.000 рублей въ годъ. На объявленія существовала особая довольно высокая такса, отъ которой не допускалось никакихъ отступленій. Поэтому никто не желалъ давать въ газету объявленія, хотя частныя польскія изданія въ Варшавѣ, благодаря промышленно-торговому характеру города, пополняли свои конторскіе дефициты исключительно одними объявленіями. Когда управляющій конторою предлагалъ князю сдѣлать уступку противъ таксы объявленій, доказывая, что печатаніе ихъ обходится даромъ и что этимъ путемъ можно изыскать постоянный и крупный доходъ, князь волновался и наотрѣвъ отказывалъ.

Наружнымъ видомъ князь Голицынъ напоминалъ собою барина добрыхъ старыхъ временъ. Крупныя, чрезвычайно выразительныя черты лица съ умнымъ лбомъ и ласковымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ; большая назадъ откинута голова, горделивая осанка, сознаніе своего достоинства и превосходства предъ другими,—все это покоилось на большомъ туловищѣ. Князь былъ хромымъ и ходилъ на двухъ костыляхъ; онъ съ трудомъ могъ грузно передвигаться изъ одной комнаты въ другую, но выѣзжать на свѣтъ Божій могъ не иначе, какъ только въ экипажѣ и при посторонней помощи. Онъ былъ человѣкомъ добродушнымъ, никому не отказывалъ въ помощи, матеріальной и нравственной, и снисходилъ къ ближнему даже въ такихъ случаяхъ, когда это совсѣмъ не совпадало съ его политической платформою. Въ рѣчахъ онъ сильно увлекался почти до самозабвенія, какъ будто любясь нахлынувшимъ на него потокомъ фразъ и краснорѣчія. Это былъ идеалистъ въ полномъ значеніи этого слова, но идеалистъ, далекій отъ практической жизни.

Князь Голицынъ былъ женатъ и имѣлъ одного сына, котораго воспитывалъ въ Училищѣ правовѣдѣнія. Женился за границей и вѣнчался въ одной изъ посольскихъ церквей, кажется, въ Дрезденѣ, при чемъ во время совершенія обряда вѣнчанія сидѣлъ въ креслахъ.

III.

Простой случай свелъ пишущаго эти строки съ княземъ Голицынымъ, съ которымъ пришлось служить вмѣстѣ и не разставаться съ нимъ до окончанія его редакторской карьеры, столь неудачной, т. е. до 1883 года. Это было въ половинѣ марта 1881 г., когда еще свѣжо было въ памяти злодѣйское убійство въ Бовѣ почивающаго Царственнаго Страдальца. По поводу сего событія, всколыхнувшаго всю Россію, князь написалъ въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ двѣ или три передовыя статьи, которыя онъ диктовалъ одному изъ своихъ приближенныхъ, и васимъ онъ уже почти что охладѣлъ къ своему изданію, предоставивъ его всецѣло на произволь своихъ сотрудниковъ, и за исключеніемъ нѣкоторыхъ моментовъ, когда у князя по случаю какихъ-нибудь выдающихся событій или происшествій въ Царствѣ, появлялись вспышки публицистическаго таланта, или ему невольно приходилось писать по указаніямъ свыше, онъ, можно сказать, почти не интересовался своею газетою, даже не читалъ ея.

Причины такого отношенія къ изданію заключались въ условіяхъ тогдашней цензуры. Первоначально газета цензуровалась въ Варшавскомъ комитетѣ и съ этимъ еще можно было мириться, но затѣмъ по какимъ-то высшимъ соображеніямъ цензурованіе ея было передано въ канцелярію варшавскаго генераль-губернатора, въ руки одного изъ ея чиновниковъ, обычно помощника дѣлопроизводителя, получавшаго за это добавочную плату 300 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, судьба печатнаго органа находилась всецѣло въ зависимости отъ усмотрѣнія такого цензора-чиновника, нерѣдко руководившагося личными соображеніями, и отъ управляющаго канцеляріею генераль-губернатора, которому болѣе важныя статьи и замѣтки посылались для доклада и на разрѣшеніе. Князь неоднократно въ кругу своихъ близкихъ знакомыхъ жаловался на придирки одного такого цензора, слишкомъ произвольно пользовавшагося цвѣтнымъ карандашомъ, особенно когда цензоромъ было назначено лицо желчное и раздражительное. Значительная доля охлажденія князя Голицына къ своей газетѣ можетъ быть приписана именно цензурнымъ строгостямъ.

Князь былъ эстетикомъ и художникомъ въ душѣ. Редакція „Варшавскаго Дневника“ помѣщается на Медовой улицѣ, въ помонастырскомъ вданіи ордена піаровъ, гдѣ нѣкогда существо-

вала римско-католическая коллегія, въ которой польское юношество воспитывалось въ религіозно-фанатическомъ духѣ. Принявъ помѣщеніе редакціи, при которомъ находится и квартира редактора, въ запущенномъ видѣ, князь прежде всего занялся приведеніемъ его въ приличный видъ. Въ казенномъ зданіи онъ сдѣлалъ новыя окна, двери, обилъ полы клеенкой на войлокѣ, заказалъ громадныя шкафы, въ коихъ собралъ весь архивъ редакціи, расположивъ въ хронологическомъ порядкѣ годовыя экземпляры „Дневника“ въ переплетахъ со времени его возникновенія—1864 г., когда онъ назывался „Официальнымъ Дневникомъ“ (Dziennik urzędowy), а всѣ помѣщенія служащихъ редакціи и конторы отдѣлилъ легкими вязанными проволочными перегородками съ дверьми и окошечками, какъ это принято въ банковыхъ учрежденіяхъ и банкирскихъ конторахъ.

Помѣщеніе редакціи и конторы „Дневника“ состояло изъ двухъ большихъ залъ и, благодаря эстетическому вкусу князя, приняло весьма презентабельный видъ. Вездѣ царил чистота и уютность, а красивыя золоченыя надписи на металлическихъ дощечкахъ позволяли легко ориентироваться случайнымъ посетителямъ. Все это, конечно, было сопряжено съ матеріальными затратами, произведенными въ долгъ, въ ущербъ доходамъ редакціи и конторы, кои поступали въ полное и безотчетное распоряженіе редактора, сократившаго ихъ во вредъ себѣ еще благодаря большому персоналу конторы.

IV.

Составъ редакціи и конторы былъ довольно значительный и по тому времени хорошо оплачиваемый, но не по утвержденному штату, а изъ средствъ редактора, вѣрнѣе изъ доходовъ изданія. Кромѣ секретаря редакціи (1.200 руб. въ годъ), были два репортера по отдѣлу мѣстной хроники, два фельетониста (изъ военныхъ), сотрудникъ судебного отдѣла, онъ же переводчикъ съ русскаго языка на польскій, коимъ состоялъ коренной русскій житель Подольской губерніи, Дроздовскій, вполнѣ владѣвшій языкомъ древнихъ польскихъ актовъ, на которомъ въ то время печатались въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ всѣ касающіеся края Высочайшіе указы и правительственныя распоряженія, откуда они потомъ обязательно перепечатывались цѣликомъ всѣми польскими газетами,—и сотрудница иностраннаго отдѣла, заимствованнаго непосредственно изъ заграничныхъ

газетъ. Всѣ они получали гонораръ по 3 коп. съ печатной строки, а сотрудница послѣдняго отдѣла, кромѣ того, и постоянное жалованье въ суммѣ 600 руб. въ годъ. Отдѣломъ этимъ завѣдывала съ начала семидесятыхъ годовъ В. И. Писарева, родная сестра знаменитаго писателя, замѣчательно развитая и трудолюбивая женщина, въ совершенствѣ владѣвшая нѣсколькими иностранными языками и легко разбиравшаяся во всѣхъ дипломатическихъ тонкостяхъ и политическихъ событіяхъ всѣхъ странъ міра, бойкая писательница, строчившая и политическую хронику на всякія злободневныя темы, и передовыя статьи по этимъ вопросамъ. Она скончалась два года тому назадъ въ Варшавѣ, уже въ преклонномъ возрастѣ, оставивъ послѣ себя дочь такой же, какъ и она, школы.

Но князю Голицыну для осуществленія своихъ идей было необходимо единеніе съ польскою прессою, которую онъ желалъ привлечь на свою сторону путемъ постройки такъ называемаго „золотого моста“. Онъ мечталъ войти съ представителями польской печати въ столь желанныя главнымъ начальникомъ края переговоры для выясненія обоюдныхъ интересовъ, а затѣмъ на почвѣ добровольнаго соглашенія выработать основныя начала примиренія русскихъ съ поляками, каковое сулило, какъ тогда казалось, весьма соблазнительныя перспективы въ недалекомъ будущемъ и разсѣвало гордіевъ узелъ многовѣковой русско-польской распри и розни двухъ родственныхъ славянскихъ народовъ.

Не знаемъ, какъ это случилось,—нарочно или случайно,—но князь въ такой трудной и отвѣтственной миссиі остановилъ свой выборъ на обыкновенномъ репортерѣ самой распространенной въ Варшавѣ польской газеты „Kurjer Warszawski“, нѣкоемъ Розражевскомъ, который совсѣмъ плохо владѣлъ даже русскою разговорною рѣчью. Этотъ Розражевскій сначала былъ назначенъ сотрудникомъ редакціи по всѣмъ мѣстнымъ отдѣламъ съ жалованьемъ по 1.200 руб. въ годъ, кромѣ построчной платы, и затѣмъ уже посредникомъ князя между нимъ и редакторами выдающихся польскихъ изданій по уговорнымъ вопросамъ.

Розражевскій, не владѣвшій русскимъ языкомъ, разумѣется, всѣ свои статьи и замѣтки доставлялъ на польскомъ языкѣ, которыя переводились затѣмъ бесплатно секретаремъ редакціи, или однимъ изъ дежурныхъ сотрудниковъ на русскій языкъ, что возбудило противъ Розражевскаго, лучше другихъ обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи, цѣлую бурю интригъ и негодованія, при чемъ сотрудники нерѣдко подтрунивали надъ

нимъ, утверждая, что князь потому только почувствовалъ къ нему симпатіи, что онъ, Розражевскій, такой же идеалистъ, какъ и самъ князь, притомъ ходитъ, какъ и его сіятельство, на костыляхъ, что вполне отвѣчало дѣйствительности, такъ какъ Розражевскій былъ инвалидомъ, лишеннымъ одной ноги. Тѣмъ не менѣе положеніе Розражевскаго было замѣчательно прочнымъ, и онъ оставался въ составѣ редакціи до конца карьеры князя. Но когда его разъ изобличили въ томъ, что онъ вмѣсто оригинальныхъ статей и хроникерскихъ замѣтокъ доставлялъ въ редакцію „Дневника“ копированныя изъ польскихъ газетъ, списывая ихъ почти дословно, то ему было сокращено жалованье и уменьшена построчная плата.

Не повезло князю и въ переговорахъ съ представителями польской прессы, на которыхъ онъ возлагалъ такъ много надеждъ. Миссія Розражевскаго оказалась неудачной и потерпѣла полное фіаско. Редакторы польскихъ газетъ, не входя ни въ какія разсужденія, считали угодную политику для своей національной sprawy прямо убійственною и наотрѣвъ отказались отъ всякихъ переговоровъ. Князю лишній разъ пришлось убѣдиться, что его идея—неосуществимая мечта. Таковъ общій удѣлъ идеалистовъ.

V.

Контора редакціи „Варшавскаго Дневника“ была обставлена тоже по-барски. Управляющій конторою получалъ 1.500 рублей жалованья въ годъ, конторщикъ 600 руб., кассиръ 1.200 руб., два экспедитора по 900 и 600 руб. Въ то время въ Варшавѣ господствовала необычайная дешевизна квартиръ и всѣхъ предметовъ первой необходимости, такая, какая въ настоящее время сохранилась только въ глухихъ, медвѣжьихъ углахъ увѣднаго захолустья, лишенныхъ усовершенствованныхъ путей сообщенія. Вся конторская процедура была установлена на банковскій манеръ, что чрезвычайно стѣсняло заинтересованныхъ лицъ. Подавая, напримѣръ, деньги на подписку или объявленіе, приходилось идти съ ярлычкомъ къ управляющему конторою, а отъ него къ кассиру, сидѣвшему за особымъ окошечкомъ, а если ихъ не было, то приходилось ждать нерѣдко долго ихъ возвращенія, чтобы получить квитанцію или внести деньги. Разумѣется, что на такихъ распорядкахъ тратила контора и редакція, потому что изъ-за утомительной процедуры многіе избѣ-

гали сношеній съ конторою, предпочитая устраивать свои дѣла инымъ путемъ.

Князь Голицынъ весьма внимательно слѣдилъ за періодическою печатью и за отношеніемъ ея къ „Варшавскому Дневнику“. Въ помѣщеніи секретаря редакціи находилось два картонныхъ ящика съ надписями: „какъ насъ хвалятъ“ и „какъ насъ бранятъ“. Въ этихъ картонкахъ тщательно сохранялись вырѣзки изъ всѣхъ газетъ и журналовъ, въ коихъ печатались статьи и замѣтки о „Варшавскомъ Дневникѣ“. И, къ великому огорченію князя, ежемѣсячно контролировавшего картонки, въ первой изъ нихъ вырѣзокъ было очень мало, не болѣе десятка, за то послѣдняя была переполнена почти на половину.

VI.

1888-й годъ былъ самымъ тяжелымъ годомъ въ жизни князя Н. Н. Голицына. Генераль-адъютантъ Альбединскій, послѣ неудачной операціи извлеченія камня изъ мочевого пузыря, скончался послѣ продолжительной мучительной болѣзни весною того года въ Варшавѣ. Похороны были торжественныя, но польское общество, именитое польское дворянство, къ которому покойный такъ искренне благоволилъ, никакого участія въ нихъ не принимало, даже не пожалѣло человѣка, идейно преданнаго польскому дѣлу. На мѣсто его былъ назначенъ одесскій генераль-губернаторъ І. В. Гурко, программа котораго, по управленію краемъ, выработанная во время случайнаго нахожденія его въ Москвѣ и діаметрально расходившаяся съ программой его предшественника, была Высочайше одобрена Государемъ Императоромъ Александромъ III.

Князь Голицынъ, не найдя ни матеріаловъ, ни техниковъ, для постройки своего „золотого моста“, совершенно опустился и не занимался дѣлами „Варшавскаго Дневника“. Погасъ свѣтильникъ Пальмиры! Отъ времени до времени въ польской прессѣ раздавались ѣдкіе и колкіе уколы по адресу „Варшавскаго Дневника“ со свойственнымъ однимъ полякамъ сарказмомъ и резонерствомъ, разумѣется, въ предѣлахъ, дозволенныхъ тогдашними цензурными условіями. Этотъ грозный Дамокловъ мечъ еще долго послѣ этого висѣлъ надъ злополучнымъ дѣтищемъ несправимаго идеалиста-мечтателя... Разубѣдился ли князь Голицынъ въ несбыточности своихъ мечтаній—мы не знаемъ, но поворота въ сторону славянофиловъ онъ не сдѣлалъ и отъ своего идеализма, отъ своего поклоненія западничеству не отказался.

Розражевскій—spiritus movens князя—перешелъ на службу въ жандармскую тайную полицію, былъ изобличенъ въ шантажъ, преданъ суду, коимъ осужденъ, и сосланъ на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя.

Въ одинъ изъ осеннихъ сумрачныхъ вечеровъ 1888 года князь получилъ отъ генераль-адъютанта І. В. Гурко бумагу слѣдующаго содержанія: „Признавая необходимымъ передать редакцію „Варшавскаго Дневника“ отставному дѣйствительному статскому совѣтнику П. К. Щебальскому, предлагаю вашему сіятельству сдѣлать соответственное сему распоряженіе и объ исполненіи мнѣ донести“.

Князь неоднократно прочитывалъ бумагу и былъ крайне пораженъ заключавшимися въ ней немногими словами. Щебальскій до отставки занималъ должность начальника варшавской учебной дирекціи. Онъ считался кандидатомъ на постъ помощника попечителя Варшавскаго учебнаго округа, но вслѣдствіе тяжелой, продолжительной и неизлѣчимой болѣзни былъ вынужденъ уйти со службы. Больной, страдавшій астмой и удущіемъ, Щебальскій выставилъ на своемъ знамени девизъ, совершенно противоположный девизу „золотого моста“. Это былъ талантливый историкъ, извѣстный авторъ учебника для среднихъ учебныхъ заведеній по русской исторіи, рьяный славянофилъ, открывшій въ „Дневникѣ“ особый отдѣлъ изъ славянскихъ земель и обзаведшійся соответственными сотрудниками. Изданіе „Варшавскаго Дневника“ было направлено на совершенно новый путь и, хотя Щебальскій чрезъ три года умеръ, но программа его продолжалась его преемниками. Нынѣ „Варшавскій Дневникъ“ уже прочно занимаетъ подобающее ему мѣсто среди русской прессы, и изданіе это вполне обеспечено въ матеріальномъ отношеніи, давая весьма солидный доходъ.

Князь Н. Н. Голицынъ, спустя недѣлю или двѣ, переѣхалъ на службу въ Петербургъ, гдѣ ему было предложено покойное мѣсто члена въ главномъ управленіи по дѣламъ печати. На эту поѣздку онъ получилъ тысячерублевое пособіе отъ генераль-губернатора Гурко. Умеръ князь на службѣ въ девяностыхъ годахъ минувшаго столѣтія.

И. И. Соневицкій.

